

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2022. 9(1): 18-36

DOI: 10.13187/ejpr.2022.1.18
<https://ejpr.cherkasgu.press>

The Concept of Monarchy and the Role of Orthodoxy in Ivan Solonevich's Philosophy

Marianna Napolitano ^{a, *}

^a Fondazione per le Scienze Religiose, Bologna, Italia

Abstract

Ivan Lukyanovich Solonevich (1891–1963) entered the history of Russian socio-political thought as a theorist of monarchism. Solonevich believed that the decisive factor in state-building is people's soul. In his opinion, the people's monarchy (as opposed to the monarchy of the upper class) is Russia's ideal state structure. It existed before the reforms of Peter I and was characterized by a combination of autocracy and self-government. After its overthrow by the Bolsheviks it should become the most effective form of government in Russia. The concept of "sobornaya monarchiya" proposed by Solonevich meant "an absolutely concrete historical phenomenon, tested by the experience of centuries and giving truly brilliant results [...]" (Solonevich, *Narodnaya Monarchiya*, 2010). Solonevich's reasoning in *The People's Monarchy* is an important source of inspiration for modern monarchists. The purpose of this article is to trace the historical and ideological origins of Solonevich's thought and to show that it may help to better understand the recent convergence of Russian state and church's views on the question of identity and of the Orthodox civilization's value. In fact, in order to understand Solonevich's philosophy and its usefulness in grasping contemporary Russian reality, it is important to reflect on the meaning of the uniqueness of Russia and of Russian history, on the monarchy and empire's role, and on the concept of supra-idea. Since the collapse of the Soviet Union there have been discussions about how to fill the ideological void left by communism and how to formulate a new "Russian idea". In this discussion, Orthodoxy and Russian Orthodox Church's roles have been very important, because the Orthodox world was presented not only as a church and cultural project, but also as a political project, the basis of which laid precisely in the need to overcome political institutions' crisis of legitimization followed to the end of communism.

Keywords: Ivan Lukyanovich Solonevich, people's monarchy, Russia, Orthodoxy, Slavophiles, Eurasianism.

Иван Солоневич: его жизнь и «Народная монархия»

Иван Лукьянович Солоневич (1891–1963) вошел в историю русской общественно-политической мысли как теоретик монархизма. На его жизненный путь и выбор сильно повлияли драматические события, ознаменовавшие историю России: его учеба на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета была прервана Первой мировой войной, а во время революции и Гражданской войны его журналистская деятельность казалась невостребованной. После прихода к власти большевиков Солоневич сотрудничал с белыми движениями, но из-за болезни он был вынужден остаться на

* Corresponding author

E-mail addresses: mariannanapolitano@hotmail.com (M. Napolitano)

территории Советской России, хотя несколько раз пытался бежать. Осенью 1933 года он был приговорен к восьми годам тюрьмы: в своей книге «Россия в концлагере» (Солоневич, 2000) он подробно описал бесчеловечную практику советской пенитенциарной системы. В следующем году вместе со своим братом Борисом он сбежал из трудового лагеря и пересек советскую границу с Финляндией. Из Финляндии Иван переехал в Болгарию, а затем в Германию, прежде чем окончательно обосноваться в Аргентине, где в 1951 году он написал свою самую известную работу под названием «Народная монархия» (Солоневич, 2010). После побега из лагеря, в период эмиграции он активно участвовал в пропаганде идеи самобытной русской самодержавной монархии, которая получила развитие в произведениях «Народная монархия», «Белая империя» (Солоневич, 1997), «Наша страна, XX век» (Солоневич, 2001). Солоневич считал, что решающим фактором в государственном строительстве является дух народа-строителя. Вдохновленный традиционным принципом сравнительно-исторического анализа, он сформулировал цель своего исследования следующим образом: «Из самых основных фактов русской истории проследите индивидуальное выражение русского народного духа, русского государственного инстинкта» (Козлова, 2015: 124). Он также утверждал, что: «Русская государственность, русская национальность и русская культура идут своим собственным путем, впитывая в себя ряд чужеродных влияний, но не повторяя путей никакой иной государственности, нации и культуры истории современности» (Солоневич, 2010: 26). По его мнению, русская монархия, «соборная монархия» есть наиболее совершенная форма государственного устройства, «единственная известна человеческой истории». При этом автор не считал монархию русским изобретением: «она родилась органически, можно даже сказать биологически, из семьи, выросшей в род, из рода, выросшего в племя, и так далее. По его мнению, отличительной чертой русской монархии было то, что эта форма государственности выражала «волю всего народа, религиозно оформленную в православии и политически оформленную в Империи», которую он называл «диктатурой совести» (Козлова, 2015: 124), тогда как идеал политического устройства заложен в московском царизме, как утверждал И.С. Аксаков*: «царю принадлежала сила власти, и народу – сила мнения» (Солоневич, 2010: 56). Ссылаясь на Л. А. Тихомирова[†], ближайшего к его мысли философа, Солоневич утверждал, что московские цари благодаря «силе власти» реализовали «мнение Земли» (Солоневич, 2010: 56), выраженное в церковных и земных соборах. Он рассматривал эпоху Петра Великого как отправную точку отталкивания власти от народа, потому что «именно в эту эпоху было начерно оформлено идейное завоевание России Западом и физически шляхетством» (Солоневич, 2010: 42).

Солоневич описывал монархию как «доброту отца семейства» (Солоневич, 2010: 123), в соответствии с выражением «Царь-Батюшка» (Солоневич, 2010: 123), что подчеркивало важность монархии как политической реализации привычного идеала народа: «Царь-Батюшка и Державный Хозяин земли Русской» (Солоневич, 2010: 123). Он видел в русской революции логическое завершение политической структуры, возникшей в результате петровской реформы и основанной на полном отделении «интеллигенции» от «народа» (Солоневич, 2010: 45). Деятельность, проделанная им в период пребывания в эмиграции, представлялась ему как способ «указать русскому, пока что подсоветскому человеку, наш чисто национально-православный исторический путь» (Солоневич, 1997: 17), в котором

* Аксаков, Иван Сергеевич (1823–1886), был также горячим сторонником славянофильства. С 1859 г. до самой своей смерти он издавал последовательно целый ряд славянофильских газет и журналов: «Парус», «Пароход», «Русская Беседа», «День», «Москва», «Русь» (Сайт Хронос).

[†] Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), философ, публицист, обществ. деятель. Статский советник (1908). В своих историко-политических исследованиях Тихомиров с неопровержимой очевидностью выясняет особые условия развития российской государственности, возникновения и укрепления Верховной царской власти. По его мнению, царь - это выражение русского политического идеала. с этой цифры. По мнению Тихомирова, глубокое религиозное чувство, присущее русскому народу, этический принцип и особенности общественной жизни оказали значительное влияние на развитие русского политического идеала. Этот идеал, которому Россия всегда оставалась верна и который помогал русскому народу с честью выходить из всех трудных испытаний [...] долгое время не находил вполне определенного и ясного толкования с исторической точки зрения. Всю силу своего таланта он направил на научное обоснование российской государственности (Сайт Фонда).

необходимо «учитывать опыт десяти веков, опираясь на то, что поддерживало русского человека» (Солоневич, 1997: 368).

Иван Солоневич описывал монархию не только как народную, но и национальную, демократическую концепцию. Но, подчеркивая «гармонический» (Солоневич, 2010: 204) характер московского государственного строя, сочетавшего самодержавие с местным самоуправлением, Солоневич также утверждал, что низы с их антибоярским настроением играли важную роль в создании московского самодержавного строя со времен Андрея Боголюбского*.

Монархия создавалась и поддерживалась массами, в том числе и крестьянами, и это придавало ей демократический характер. По мнению Солоневича, народная монархия (в отличие от монархии высшего сословия) является идеалом российского государственного строя. «Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, – неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры» (Солоневич, 2010: 11).

Солоневич убежден, что русская политическая мысль исходит только из русских исторических предпосылок: «Политической организацией русского народа на его низах было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было самодержавие» (Солоневич, 2010: 11). Это исключительно русское явление – не диктатура аристократии под вывеской «просвещенного абсолютизма» (Солоневич, 2010: 11), не диктатура капитала, подаваемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, а «диктатура совести, диктатура православной совести» (Солоневич, 2010: 11). Понятие «соборная монархия» (Солоневич, 2010: 11), предложенное Солоневичем, означало «совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. И она не была утопией, она была фактом» (Солоневич, 2010: 11). По справедливому заключению Солоневича, превосходство царской власти неоспоримо: «Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия промышленники создадут плутократию, военные – милитаризм, духовные – клерикализм, а интеллигенция – любой “изм”, какой только будет в книжной моде в данный исторический момент» (Солоневич, 2010: 12). Солоневич разработал программу национального возрождения России, основанную на принципах народной монархии: сразу после войны эта программа была опубликована в газете «Наша страна» в виде материалов для пропаганды. Он писал: «Нам нужно вести монархическую агитацию. Нам нужно знать и то, как ее следует вести, и то, как ее вести не следует. Мы анализируем прошлое России, и мы говорим: были такие-то явления, происходившие в таких-то условиях, и при наличии этих явлений Россия – под эгидой монархии – достигла таких-то результатов. И при ослаблении или гибели монархии попадала в такие-то и такие-то катастрофы. Мы подводим некий принципиальный фундамент под неоспоримые факты нашего прошлого. Мы не строим никаких воздушных замков. Мы представляем собою политический реализм, и мы боремся против всякого политического утопизма. Прежде всего мы что-то строим: строим основное – идею Русской Народной Монархии. Строят ее очень разные люди: и белорусский крестьянин Иван Солоневич, и сибирский “землепроходец” Борис Башилов, и профессор Борис Ширяев. Как и всегда в этом мире случается, некоторые точки зрения не совпадают – мы о них слегка спорим. Но основное совпадает вполне: Народная Монархия [...]» (Солоневич, 2010: 12).

Влияние нео-славянофилов

Идейная основа «Народной Монархии» прослеживается в трудах славянофилов. Именно в царствование Николая I (1825–1855) славянофилы сформулировали свой идеал: все они разделяли веру в уникальность России, хотя их отношение к государству, к царским идеологам и к мессианству было различным. Царствование Николая началось с восстания декабристов: он боялся и революции, и западных идей, которые были популярны среди независимого общественного мнения. С конца XIX века при Николае I появилось понятие «официальной национальности», что на английский переводилось как *Official*

* Боголюбский Андрей Юрьевич – князь Вышгородский (1149, 1155), Дорогобужский (1150–1151), Рязанский (1153), великий князь Владимирский (1157–1174) (Сайт [Новости знаменитостей](#)).

nationality, хотя изначально термин должен был обозначать «близость к народу» (Duncan, 2000: 18). Эту идеологию выразил в 1833 году министр народного просвещения Николай Уваров: «Наша общая обязанность состоит в том, чтобы воспитание народа велось, согласно Высшему замыслу нашего Августейшего Монарха, в едином духе Православие, Самодержавие и Народность» (Duncan, 2000: 18). Славянофилы верили в три элемента уваровской триады, хотя их трактовка этих понятий обычно отличалась от официальной. И официальная идеология, и интерпретация были враждебны западным идеям либерализма и социализма, и оба постулировали, что Россия в определенном смысле отличается от Запада. Тем не менее славянофилы принципиально выступали против того пути развития, по которому шло русское чиновничество: они вообще отвергали западнические реформы Петра I, отвергали образ жизни элиты и обычно идеализировали прошлое Москвы и России (в чём можно проследить преемственность, восходящая к понятию «Москвы, Третьего Рима», и к идеям раскольников»). Кроме того, славянофилы боготворили русский народ, особенно крестьян, а не государство, и протестовали против отсутствия свободы в России Николая I (Duncan, 2000: 18).

Кроме того, они идеализировали русский народ, в частности крестьян, а не государство, и протестовали против отсутствия свободы в России во время правления Николая I. Николай Рязановский* разделил сторонников официальной народности на династическое и националистическое крыло. Первое, включающее царей и большую часть их правительства, было самым сильным в Петербурге. Последнее возглавляли профессора истории и литературы Московского университета Михаил Петрович Погодин (1800–1875) и Степан Петрович Шевырев (1806–1874). Погодин был издателем и первым редактором журнала «Москвитянин», издававшегося в Москве с 1841-го по 1856-й год, и находившийся под покровительством Уварова. Националисты получили гораздо более широкую поддержку, чем династическое крыло, среди молодых образованных русских. Важную роль, которую национальное крыло придавало мировой миссии русского народа, сблизило его со славянофилами и, не имея собственного журнала, они оказывали поддержку «Москвитянину». Помимо слова народность, в 1830-ые годы для замены проблематичного понятия «нация» стал использоваться ещё один термин: национальность.

Граф Петр Валуев, ставший министром внутренних дел в 1861–1868 гг., в конце 1830-х годов часто посещал интеллектуальные кружки и писал философские очерки. В одном из этих очерков, «Мысли о национальности», он излагал, почему необходимо заменить понятие «нация», рассматриваемое как особо политизированная категория, понятием «национальность» (фр. *nationalité*).

Он представлял «национальность» как исконно русское понятие, отражающее специфику культуры и обрядов народа, по смыслу сопоставимое с сегодняшним определением «этнической общности» – группы людей, связанных между собой представлениями об общем происхождении и единым этнонимом. С каждым десятилетием русской истории национальная проблема становилась все более и более этнически окрашенной, все чаще трактуясь как определенный набор характеристик, дарованных судьбой отдельным народам («этническим нациям»). При этом славянофилы последнего десятилетия XIX века отвергли наследие своих предшественников, славянофилов середины XIX века (таких, как Алексей Хомяков, Константин и Иван Аксаковы, Александр Кошелев и Юрий Самарин), выступавших против доктрины официальной национальности, удушающую, с их точки зрения, творческую инициативу (характеризуя её как душераздирающий деспотизм, деспотический строй). Славянофилы конца 1890-х и начала 1900-х годов (Николай Данилевский, Константин Леонтьев, Василий Розанов и др.) развивали идею особого пути России. Эта группа начала противопоставлять исконно русские, по их мнению, черты характера – терпеливость, жажда правды, непосредственность, душевную теплоту, искренность, щедрость, склонность к соборности (то есть к коллективному принятию решений), с тем, что считалось свойственным западному менталитету, который было принято описывать как внутренне эгоистичный, жадный, лживый и холодно-бережливый. Славянофилы начала прошлого века трактовали

* Николай Валентинович Рязановский (1923–2011), почетный профессор европейской истории Калифорнийского университета в Беркли, ведущий специалист по истории России.

понятие «нация» как этническое явление, навсегда привитое к телу русского народа, с целью сохранения самодержавия и царской власти. В их кругу возникло идейное движение, приверженцы которого стали считать себя «русскими националистами», определяясь как таковые и со стороны сторонних наблюдателей. По мнению Эмиля Пайна (Pain, 2016), с конца XIX века до наших дней смогли сохранить своё значение следующие основные родовые характеристики русского национализма:

- **эссенциализм** – идея о том, что существуют особые, вечные культурные качества русского народа, принципиально отличающие его от других народов, в частности от народов Западной Европы); представление Запада в качестве "нечто стороннего" по отношению к русскому национализму;

- **оборонительный характер Империи** – представление русских националистов о служении самодержавию и сохранении империи как о жизненно важных целях их политической деятельности. Центральным пунктом политической программы первой легальной партии русских националистов, возникшей в 1905 г., являлось следующее: «Союз Русского Народа твёрдо объявляет и всенародно исповедует неделимость Российской Империи в её теперешних границах и поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоёванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраняемы» (Krotov.info).

- **принцип политического господства этнических русских** – слияние идеи защиты империи со взаимным требованием предоставления преимущественных прав этническим русским внутри этой империи, этническому русскому народу, этнической русской нации («Россия для русских») (Pain, 2016: 51).

Таким образом, идея нации впервые появилась в России в конце XVIII века как знак ожидания со стороны общества революционных перемен. Ее первые сторонники, декабристы, пропагандировали идею нации как источник конституционного строя. Однако, в то время как эти первые русские националисты отстаивали ценность народного представительства, к началу XX века национализм перерос в крайне реакционную политическую силу, защищавшую самодержавие, имперскую структуру России и этническое, религиозное и социальное неравенство ее жителей. Национализм, основанный на этих принципах, концептуально и организационно сформировался в Российской империи в начале XX века, а затем, после временного отказа от него в советский период, возродился в постсоветской России 90-х годов как политическая сила, противостоящая официально провозглашенным тогда идеям модернизации, либерализма, федерализма и толерантности. С начала нового тысячелетия имперский национализм стал политическим попутчиком российских властей, хотя волна горячих политических протестов казалась признаком совершенно нового русского национализма (Pain, 2016: 51).

Итак, хотя до начала славянофильского движения именно у славянофилов русская мысль впервые заложила полную теоретическую основу национализма. Движение носило, по существу, культурно-религиозный характер, оно основывалось на идее мессианства, согласно которой России, отличавшейся своеобразным духом коллективизма, выразившимся как социально, через семью и крестьянскую общину, так и религиозно, через русское православие, суждено было вывести человечество из трясины индивидуализма и агностицизма, в которую впала Западная Европа, к спасению и к упрочению Третьего Рима. Националистический элемент, заключенный в этой вере, был также связан с мессианством. Религиозность была необходимее и значительнее национализма: Кошелев, один из позднейших славянофилов, писал в 1858 г.: «Без православия наш народ – ничего, с православием наш народ имеет общечеловеческое значение» (Cloutier, 1955). Для славянофилов главной целью было братское единство всех христиан во вселенской Церкви, а средством к этой цели была русская нация (Cloutier, 1955). Одним из главных ориентиров этого крыла (Славянофилы конца 1890-х и начала 1900-х годов) можно считать книгу Николая Данилевского «Россия и Европа» (Данилевский, 2008) в которой он развивал теорию циклического прогресса, воплощенную в различных национальных культурно-исторических типах, каждый из которых уникален и является хранилищем человеческого

существования и прогресса. Страхов*, другой представитель славянофилов и сторонник идей Данилевского, чей очерк «Россия и Европа» был опубликован в его журнале «Заря», описывал «Россию и Европу» в целом как «свод славянофильского учения» (Duncan, 2000: 33). В своей аргументации Данилевский отвергал примат православия, но все же связывал славянскую судьбу с религией: «С объективной, фактической точки зрения, русским и большинству других славянских народов выпала историческая судьба стать вместе с греками главными хранителями живой традиции религиозной истины, Православия, и, таким образом, продолжателями великого дела, которое было уделом Израиля и Византии: быть богоизбранными народами» (Duncan, 2000: 33). Он считал, что политическая и военная деятельность Петра была полезна, но соглашался с ранними славянофилами в том, что его попытка искоренить древние нравы и обычаи «принесла величайший вред» (Duncan, 2000: 33). Однако, отличаясь от ранних славянофилов, Данилевский отвергал их веру в то, что государство есть зло: он был за сильное государство, отрицал существование универсальной цивилизации и утверждал, что цивилизации можно разделить на ряд историко-культурных типов. Данилевский также отвергал любую форму совместимости между Западом и славянами и утверждал, что германо-римскому культурно-историческому типу неизбежно суждено смириться с господством славянских народов во главе с Россией. Для Данилевского внешняя политика России должна определяться не правовыми положениями «Священного союза», а славянскими интересами. Главной целью должно было быть уничтожение Габсбургской и Османской империй и объединение славян в Славянскую Федерацию под властью русских царей (Duncan, 2000). Он отбросил, определив как ненаучные, религиозность и гуманизм славянофилов, заменяя их ненавистью ко всему иностранному, доктриной агрессивного национализма.

Мысль Данилевского можно считать связующим звеном между метафизическим абсолютизмом славянофилов и пессимизмом Леонтьева. Национальную исключительность, которую он проповедовал, можно рассматривать как нечто среднее между национальным мессианизмом славянофильства и отрицанием со стороны Леонтьева всякой национальной особенности. Если Данилевский отвергал мессианские предпосылки славянофильского православия, сохраняя только национализм, то Леонтьев критиковал националистический дух и превозносил миссию православия. Его религиозная позиция имела большое значение для его политической мысли, так как он видел любовь и прощение только как противоядие от зла. Он писал: «милосердие, доброта, справедливость, самоотречение – все эти качества могут проявиться только тогда, когда есть горе, неравенство, несправедливость и жестокость ... нельзя брать только нежные, сладкие, приятные и утешительные элементы, а оставить строгие, суровые и мучительные» (Cloutier, 1955). По мнению Леонтьева, ренессанс и монашество могли сосуществовать, но его стремление к натурализму заставило его отрицать понятие свободы. Его эстетические вкусы заставляли его презирать ординарность, а также чувствовать важность сильного государства. Для Леонтьева эпитеты «либеральный», «эгалитарный» были порицательными. Он был твердо убежден, что демократия и братство Европы пагубны и что прогресс приведет к разрушению авторитета и красоты. Он опасался, что земские институты окажутся благодатной почвой для семян либерализма, и призывал к возвращению старого режима, который послужит оплотом против либерализма. Основными идеями Леонтьева были необходимость и правильность неравенства, контраста и разнообразия; отсюда следует, что равенство и единообразие были для него понятиями атеистическими и враждебными эстетизму жизни. В его интерпретации социализм был предпочтительнее либерализма, поскольку он содержал принципы тирании и репрессий и провозглашал доктрину жесткого подчинения. «...но все существенныя стороны охранительныхъ ученій имъ самимъ понадобятся. Имъ нуженъ будетъ страхъ, нужна будетъ дисциплина; намъ понадобятся преданія покорности, привычка къ повиновению; народы, удачно (поужимъ) экономическую жизнь свою пересоздавшіе, но ни чтма на землѣ все-таки неудовлетворимые, воспылають тогда вовымъ жаромъ къ мистическимъ ученіямъ и т. д.)» (Леонтьева, 1888: 157). В раннем антагонизме Леонтьева по отношению к Западной

* Николай Николаевич Страхов (1828–1896) – русский философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской академии наук (1889). Действительный статский советник (Сайт Университетская Библиотека).

Европе можно найти следы национализма: для него великий период европейской традиции приходился на Средние века, и эта традиция, наполненная религией, силой и красотой, была разрушена современностью. Россию он видел в качестве возможности сопротивления либеральному Западу, благодаря ее положению наследницы Византии и поборницы православия: «Византийская культура, в отличие от славянской, определена четко: самодержавие, православие и разочарование в мирском, в мечтах о земном мире и счастье» (Леонтьева, 1888: 265). Действительно, Леонтьев радикально отличался от славянофилов своим эстетизмом и пессимизмом. Он находил самобытность России не в какой-либо культурной или социальной особенности, а в государстве и Церкви как институциональном наследии Византии. Он не верил ни в массы, ни в народ, не пользовался гуманистическим и идеалистическим содержанием славянофильства, которое видело в русском народе глубокий и скрытый дух, черпая из него духовную невозмутимость и веру в будущее. Леонтьев опасался установления таких форм правления, которые разрушили бы культ послушания и устранили бы любые следы византийского и православного влияния. Он стремился разработать эволюционную теорию прогресса, которая была бы общей для всех народов и всех культур: с этой точки зрения он опровергнул основополагающие элементы учения Данилевского об уникальных «культурно-исторических типах» и свел идею славянского мессианизма на второй план. Наконец, Леонтьев был убежден, что не только славянофильство вообще, но и Россия в частности не в состоянии противостоять европейским концепциям либерализма и единообразия, придя к выводу, что Россия должна быть изолирована: «замерзла так, что ее уже не будет в живых, а сохранится как выражение Византии» (Леонтьева, 1888: 269). Таким образом, в логическом развитии славянофильского гуманитарного мессианизма, по его мнению, русскому православию суждено слиться с римским католицизмом и таким образом привести человечество к Третьему Риму Богочеловечества. По его словам, в долгосрочной перспективе России придется спасти Европу от самой себя «объединив китайскую государственную модель с индийской религиозностью и подчинение европейского социализма им» (Duncan, 2000: 43). Несмотря на то, что панславизм служил для России источником вдохновения при обозначении собственной миссии в мире, в трудах Леонтьева прослеживается критическая позиция по отношению к романтической природе панславизма, как видно из следующего высказывания: «создание единого и общеславянского государства будет концом русского царизма» (Machitidze, 2020).

Евразийская перспектива

Данилевский и Евразийское движение стояли на одной концептуальной почве цивилизационной типологии, но различались в их определении типа, к которому принадлежала Россия: Данилевский считал, что это славянский тип, а, по мнению, приверженцев Евразийства – евразийский, идея которого в XIX веке оспаривала монополистическую позицию панславизма. Евразийское движение зародилось в среде русских эмигрантов, покинувших страну во время революции и последовавшей за ней Гражданской войны. Основателями движения были князь Николай Сергеевич Трубецкой, отпрыск одной из самых аристократических семей России, а затем известный лингвист Петр Петрович Сувчинский, культурный деятель, знаток музыки и издатель Петр Николаевич Савицкий, молодой и энергичный ученик Петра Струве (ведущего российского либерального политика и ученого), Георгий Васильевич Флоровский, который был церковным историком и богословом, а также князь Андрей Александрович Ливен, поэт и, впоследствии, православный священник, выходец московской православной ветви известного прибалтийско-немецкого дворянского рода, проживавший летом и осенью 1920-го года в болгарской столице.

Группа активно обсуждала причины и следствия Гражданской Войны в России, размышляла над проблемами революции. Часто евразийство описывалось как реакция на потрясения, вызванные Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной, а также превращением Российской Империи в РСФСР. Действительно, в послевоенном мире изменения, вызванные этими событиями, выразились во множестве видений, как географических, так и политических. Бывшая Российская империя, впервые в мировой истории, превратилась в содружество народов, обладающих культурными и языковыми различиями, объединенных политической партией, продвигающей утопическую

коммунистическую идеологию. Эта трансформация во многом основывалась на поддержке культурного и языкового, или даже политического национализма многих народов СССР. Антиколониальные движения набирали силу и привлекательность, возвещая о приходе бывших колониальных народов на мировую историческую арену. Многие участники евразийства привнесли в эти движения целый ряд идей, интересов и интеллектуальных связей. Евразийство можно рассматривать как консервативную идеологию, направленную против либеральных ценностей западноевропейского государства, а также как модернистское течение, реанимировав романтический дискурс, адаптировав его к современным условиям, как движение интеллектуальной элиты страны, где модернизация была запоздалой и неравномерной и где, как следствие, идеи часто предшествовали социально-экономическому и социальному развитию. «Евразийство с его многочисленными аспектами стало возможно в том зазоре, который возникает между национализмом – продуктом нормативного знания в социальных и политических науках, основанном на историческом опыте западного национального государства, «и империей, которая, как мираж, является на каждом этапе развития современного национализма в России и “путает карты”, подменяя собой “нацию”» (Глебов, 2009: 62). Отсюда и евразийский национализм, растворяющий собственный субъект в наднациональном конструкте, и настойчивый поиск генетических черт, и стремление совместить, казалось бы, несочетаемое – империю и национализм, и попытка критиковать саму концепцию западного национального государства» (Глебов, 2009: 63). Тем не менее, некоторые значимые предпосылки были разделены между многочисленными подразделениями движения, и именно они стали определенной точкой отсчета для молодых основателей движения в 1920–1921 годах.

Среди этих общих предпосылок была центральная роль православной веры для восстановления России после катастрофы революции. Важно отметить, что хотя философы дореволюционных десятилетий рассматривали православие как часть мирового христианства, евразийцам были свойственны не просто антиэкуменические, но и даже антизападные интерпретации православия, составляющие ядро их идеологии. Этот акцент на православии в евразийстве был переплетен с еще одной важной темой, унаследованной от дореволюционного культурного брожения, ближе к концу XIX века, а именно с восточной темой, которая стала рассматривать азиатские связи России как важный и решающий аспект национальной идентичности. Эта тема была основана на вековом проникновении идей уникального национального пути России в Европу именно благодаря возможностям сближения со степными народами. Интерес России к азиатским связям собственного прошлого, после Крымской Войны и присоединения новых земель к Российской империи, стал переплетаться с идеями цивилизаторской миссии России на вновь приобретенных территориях. Однако, для классического евразийства 1920-х годов литературно-философские вариации этого интереса к Азии вновь оказались интересными. Восток рассматривался как великая метафора «бездушный и механистической цивилизации» (Laurelle, 2015) (Владимир Соловьев*), азиатская тема переосмысливалась в контексте поэтических пророчеств русской революции, представляя собой конец мещанской буржуазной культуры Европы в перспективе, а русские крестьянские массы, представлялись как те, кто имел возможность разрушить разлагающийся мир буржуазии и развязать процесс омоложения человечества. Эта религиозно-культурная интерпретация Евразии дополнялась понятием исторически сложившегося культурного, этнического и политического мира. Для евразийцев их родина была наследницей не средневековых княжеств Киевской Руси, а степной империи Чингисхана и его приёмников. Монголы были важны для евразийцев по нескольким причинам: во-первых, к ним относились как к первым

* Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900). Религиозный философ, поэт, публицист. Один из наиболее ярких представителей русской философской мысли. В основе философской системы Соловьева лежит идея всеединства, которое есть идеальный строй мира, предполагающий воссоединенность, примиренность и гармонизированность всех эмпирических несогласованных, конфликтных элементов и стихий бытия. Его система – синкретическая. Соловьев оказал колоссальное влияние на религиозную и философскую мысль России конца XIX – начала XX века, пробудил в интеллигенции интерес к религиозным вопросам, вызвав тем самым появление движения «богоискательства» (Сайт Хронос).

объединителям евразийского пространства, завоевания и имперское строительство которых впервые обеспечили Евразии государственную традицию, охватывающую весь “континент”; во-вторых, их имперское строительство очень хорошо вписывалось в идею столкновений между Россией и народами Востока: их агрессивное вмешательство считалось решающим для спасения России и ее православной идентичности от постоянной агрессии католического Запада; и, наконец, что не менее важно, последователи Евразийства считали, что монголы, унизив и уничтожив славянские княжества, создали условия для возникновения глубоко религиозной культуры Московии, в которой как верхние, так и нижние слои населения разделяли одно и то же тоталитарное мировоззрение, охватывающее высокую культуру и повседневную жизнь. В этом монголы были похожи на большевиков, и евразийцы ожидали появления новой религиозной культуры в России под коммунистическим игмом. Представление о новой религиозной культуре, готовой появиться в большевистской России, сочеталось с другой надеждой, возлагаемой на утраченную родину: Евразия рассматривалась как место нового творчества, в противовес умирающему творчеству вырванной с корнем эмигрантской нации. В евразийской теории географическая среда и культура находятся во взаимном взаимодействии. Общность судеб народов Евразии неразрывно связана с территориальной спецификой Евразии как уникального континента и замкнутого мира: идентичность закреплена в данных физической географии. Россия имеет своеобразную “прозрачную” географическую структуру, которая раскрывает свои идентичностные характеристики тем, кто способен их расшифровать.

Существование двух типов границ вокруг Евразии предполагает различные формы физического разрыва между ней и пространствами вокруг нее: западные границы наиболее четко определены и наиболее непроницаемы, поскольку евразийская идентичность должна сохранять себя от так называемого романо-германского империализма. Эти территории, по мнению евразийцев, столь же заметны в географии (изменения климата, диалектика и племенная традиция), сколько и в культуре (рациональность и индивидуализм против мистицизма и коллективизма) или религии (с переходом от латинского обряда христианства к греческому обрядовому униатизму и православию). Таким образом, Галиция, Волынь и Подолье считались законными частями Евразии, а Кавказ и Крым – периферийными частями. Хотя евразийцы сожалели о потере Православной Бессарабии во время Первой мировой войны, они не претендовали ни на католическую Польшу, ни на протестантскую Финляндию, которые считались европейскими, и потеря которых укрепила евразийскую судьбу России. В то время как разделение между Европой и Евразией представляется очевидным, границы с Азией рисуются более условно. В географии Савицкого*, Дальний Восток классифицируется как Азиатский, а не как Евразийский, поскольку он представляет собой симметричный аналог балтийских стран (северо-запад против юго-востока), которые рассматриваются как часть Европы. Эта позиция не находит единодушной поддержки в движении, поскольку основание Владивостока в 1860 году считалось доказательством установления России на Тихом океане. Вернадский†, со своей стороны, критиковал потерю Россией Калифорнии в 1840-х годах и продажу Аляски Соединенным Штатам в 1867 году: если бы Россия могла растянуться на три континента, Сибирь была бы географическим и политическим центром между Старым и Новым русским миром. Он утверждал, что завоевание Аляски было творческим достижением русского народа, продуктом его духовного и географического развития. По этой причине эту территорию следует рассматривать не как какое-то расходное имущество Российского государства, а скорее как

* Савицкий Петр Николаевич (1895–1968), русский экономист, географ, социолог. Ученик П.Б. Струве и В.И. Вернадского, один из основателей и лидеров евразийского движения. Окончил Политехнический институт в Петрограде (1917). Участвовал в белом движении, эмигрировал в Болгарию, один из авторов сборника «Исход к Востоку» (София, 1921), положившего начало евразийству, в 1922–1945 жил и преподавал в Праге. В 1945–1954 в заключение в молдавских концлагерях, с 1956 в Праге ([Сайт Хронос](#)).

† Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973), историк русского зарубежья, является одним из родоначальников евразийства — геополитической доктрины, возникшей в 20-е г. в русской эмиграции. Г.В. Вернадскому (наряду с географом и историком П.Н. Савицким) принадлежит заслуга в обосновании собственно исторической концепции евразийства ([Сайт Хронос](#)).

имеющую долю в его идентичности. Можно отметить и другие проявления неоднозначного отношения к Сибири. В то время как каждая географическая зона должна иметь свою собственную культуру, чья ассимиляция с другими способствовала появлению Евразии как территориального целого, в теориях евразийцев нет никакого упоминания о тундре. Таким образом, сибирское пространство иллюстрирует некоторые парадоксы евразийства, которое не смогло совместить свой исторический, лингвистический и географический дискурсы. Тундра и Дальний Восток теоретически исключены из Евразии, в то время как идея империи, раскинувшейся на трех континентах, зажигает воображение движения. Для евразийцев Монголия, независимая с 1911 года, вполне естественно принадлежит Евразии, так как она расположена в степи и выделяется как родина Чингисхана. Возникает вопрос и об Уйгурском мире, который Савицкий считал самым крайним примером континентализма (измеряемого расстоянием от морей) и, следовательно, символом евразийской анти-морской идентичности. В пределах советского пространства оседлая Центральная Азия определенно фигурирует в определении Евразии как представляющая пустынную зону, но горные районы Центральной Азии, такие как Киргизский Тянь-Шань или Таджикский Памир, априори исключены из евразийской территории и отнесены к Азии. Практически игнорируется и Закавказский регион. При отделении Евразии от Азии критерии физической географии почти перестают использоваться, уступая место аргументам культурного характера. Евразийцы определяют Азию по ее трем подпространствам: китайскому или конфуцианско-буддийскому, индийскому или буддо-брахманистскому и иранскому или исламо-маздаистскому (каждая область цивилизации фактически ассимилируется с религиозной культурой). Таким образом, китайский мир и индийский мир образуют крайнюю противоположность Евразии, хотя отношение к Китаю было предметом оживленных дебатов с евразийскими сторонниками, базировавшимися в Харбине, Маньчжурия. Некоторые из них, например, писатель Всеволод Иванов, бывший ученик Николая Лосского в Москве, эмигрировавший в Китай, утверждали, напротив, что евразийский принцип найдет свое воплощение в слиянии России и Китая. Евразийство открыло путь к примирению православия и ислама. Ранние евразийские теоретики, такие как Петр Савицкий, Георгий Вернадский и Николай Трубецкой*, выдвигали идею евразийского «континентального государства», или империи, объединяющей многие этнические и религиозные группы. Их видение православия было настолько широким, что исчезало какое-либо различие между «православием» и «не-православием». На самом деле все религии, возникшие за пределами Запада, считались «православием». Савицкий писал, что буддизм и ислам выражают две разные стороны православия – его «пассивность» и «созерцательность» (буддизм) и в то же время его «активность» и «стремление преобразить мир» (ислам). Вся Евразийская империя рассматривалась как «потенциально православная». Несмотря на свои разногласия с каноническим православием, евразийцы призывали к тотальной «ортодоксализации» общества, которую можно сравнить с понятием исламизации. Эта идея подразумевала, что религия должна была проникнуть во все сферы общественной жизни, став, таким образом, тоталитарной идеологией. Евразийцы представляли себе евразийское континентальное государство идеократическим, а не клерикальным, подразумевая, что правящая элита должна быть выбрана на основе ее преданности господствующей идее. Эта концепция идеократического государства до сих пор преобладает в православном политическом мышлении России. Классические евразийцы не могли не сочувствовать СССР, который, казалось, воплощал в себе то самое континентальное идеократическое государство, о котором они мечтали. Для так называемого национал-большевизма, или левого евразийства, православие не играло существенной роли: они были готовы одобрить любую другую идеологию (например, коммунизм), которая позволила бы «континентальной империи» процветать и расти. Таким образом, национал-большевизм является первым проявлением широко распространенной ныне идеологии «державности» (от слова «держава» – независимое государство, ведущее независимую политику). Эта идеология способствовала формированию

* Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – русский лингвист и мыслитель, философ евразийского направления. Основной труд: «Европа и человечество» (1920). Рассматривал народ как «коллективную личность». Проявления истинного самопознания народа видел в самобытной и гармоничной национальной культуре. Создание такой культуры есть истинная цель всякого народа. Русскую культуру Т. видел в «симфоническом» единстве «множественной нации Евразии» ([Сайт Хронос](#)).

современного православного коммунизма. Все современные формы политической ортодоксии происходят от панславизма и православия*.

«Народная монархия» Солоневича и его наследие в современной России

Находясь под сильным влиянием славянофильской мысли, в «Народной монархии» Иван Солоневич утверждал, что каждый народ имеет свой неповторимый путь развития:

«Империя Российская есть самое старое государственные образование Европы. Она, как единое национальное целое, практически возникла как империя Рюриковичей, и национально — как Русская земля, единая земля для всех авторов всех наших летописей» (Солоневич, 2010). Он не был приверженцем Евразийства и утверждал, что: «Россия — не Европа, но и не Азия и даже не Евразия. Это — просто — Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии [...]. В отличие от национальных государств остального мира, русская национальная идея всегда перерастала племенные рамки и становилась сверхнациональной идеей, как русская государственность всегда была сверхнациональной государственностью, — однако при том условии, что именно русская идея государственности, нации и культуры являлась, является и сейчас определяющей идеей всего национального государственного строительства России» (Солоневич, 2010: 27).

Как мы уже говорили во введении, по мнению Солоневича, основные проблемы России вытекали из того, что со времен Петра Великого в стране были выстроены политические структуры, которые не «Русская масса воевала и против красных, и против белых. Разгром всех Белых армий произошел по совершенно одинаковым социальным причинам и почти на совершенно одинаковых географических рубежах и в одинаковых военно-стратегических условиях: по неумению привлечь на свою сторону народные массы при переходе армий из областей вольного хлебопашества на территории были русскими и не имели корней среди русского народа. Солоневич применял этот критерий не только к дореволюционной России, но и к революции, к Гражданской войне, к «красным» и «белым». Он писал: крепостного права, после превращения горсточек боевых энтузиастов в армии мобилизованной крестьянской молодежи. Обо всем этом Ленин говорил заранее. И Ленин, и Троцкий понимали смысл и стратегию гражданской войны безмерно яснее, чем понимали это Колчак и Деникин. Идеинный фанатизм никак не препятствует холодному расчету, как религиозный фанатизм иезуитского ордена никак не препятствует самым холодным и трезвым расчетам его дипломатической практик» (Солоневич, 2010: 47).

Солоневич полагал, что после падения коммунизма России понадобится правительство, основанное не на чужой философии, а на исторической жизни своего народа. Это подразумевало монархическую систему правления в сочетании с формой народного представительства по русским образцам, выраженной формулой Аксакова: «царю принадлежала сила власти, а народу — сила мнения» (Солоневич, 2010: 56).

Отсюда следует, что для того, чтобы понять философию Солоневича и её пользу в постижении современной российской действительности, важно задуматься над смыслом уникальности России и русской истории, над ролью монархии и империи, над понятием сверхидеи. Сверхидея — это идея, идеология интеграции многонационального, многоконфессионального общества. С момента распада Советского Союза в России велись дискуссии о том, как заполнить идеологическую пустоту, оставленную коммунизмом, и как сформулировать новую «русскую идею». Итальянский историк Церкви Адриано Роккуччи считает крайне важным понимание вопроса об империи и ее наследии для того, чтобы понять современную российскую геополитическую реальность. Анализируя исторические и социологические исследования, Роккуччи показал, что русская нация является имперской нацией по своей природе и по своему огромному географическому протяжению, и это должно способствовать восприятию нации в качестве наднациональной структуры (вспомним наднациональную структуру, на которую ссылается Солоневич в своей работе). Именно эта наднациональная концепция государства, его территории, многонациональности и роли в мире, наряду с религиозным фактором, сыграла

* Политический фундаментализм, современный панславизм, евразийство, православный коммунизм, русский национализм, Квазиправославие и неоязычество (Mitrofanova, 2005).

центральную роль в определении характера России: Константин Затулин, депутат Государственной Думы Российской Федерации, директор Института диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), в своем выступлении на открытии VIII Всемирного Русского народного собора в Троице-Сергиевой Лавре 3 февраля 2004 года заявил следующее: «Православный мир не выживет без сильной России, а Россия не сможет вернуть себе статус самостоятельной мировой силы, не возглавив православный мир, не решив опереться на свою главную и единственную силу – Православие. Эти аксиомы должны быть усвоены и политической элитой России. Православный мир – не только церковный, культурный, но и политический проект. Именно Русская Православная Церковь – не Содружество же независимых государств – все еще объединяет и скрепляет это пространство. Тот факт, что с распадом Советского Союза не распалась Русская Православная Церковь, сегодня возбуждает не только сторонников, но и противников этого единства..» (Затулин, 2004). В своих размышлениях Роккуччи не намеревался утверждать, что быть империей – это судьба или приговор России, и не высказывал веру в превосходство России во имя ее имперской природы. Цель Роккуччи состоит в том, чтобы объяснить, что империя – это историческая реальность, и как таковая она является фундаментальной чертой России, ее истории и ее настоящего (Rossucci, 2007). Это один из тех факторов, который может помочь в интерпретации и постижении российской действительности. С этой точки зрения большое значение имеет религиозный фактор, связанный с русской идентичностью. В постсоветской России новый импульс для искателей сверхидеи дали публикации, появившиеся в начале второго срока президентства В. В. Путина. Примером могут служить: «Русская доктрина (Сергиевский проект)» (Кобякова, Аверьянова, 2005) трилогия «Проект Россия» (Шалыганов, 2012) и (из той же серии) «Крепость Россия» (Леонтьев, Невзоров, 2008). «Православная Монархия» (Ларионов, 2007) и труды более научного характера, такие как «Национальная идея России» (Бачинин, 2005). Все эти книги поднимали проблему морального вырождения общества, особенно элиты, и неспособности мыслить в терминах государства и нации. Полезность демократии как системы, чуждой русской культуре, была поставлена под сомнение рядом авторов, а также концепцией светского государства и прав человека. По мнению консерваторов, Россия должна создать систему, соответствующую ее политической традиции: сильную, централизованную систему, управляемую одним человеком. Таким образом, наиболее высоко ценилась монархия, хотя современные консерваторы рассматривали и смешанные варианты. Все авторы отдают предпочтение “цивилизационной парадигме”, согласно которой международные отношения являются сферой не столько государств, сколько цивилизаций, и подчеркивают обособленность России, русской/православной/евразийской цивилизации (в случае империализма все три описания используются взаимозаменяемо), на которую возложена особая миссия. Условием возрождения России как империи является глубокое нравственное обновление, возможное благодаря возвращению русских к религии предков. Ведь религия воспринимается не только как фактор возрождения, но и как важнейший и – в случае империи – необходимый источник легитимности власти и системы норм, ценностей и символов, гармонизирующих многонациональное и многоконфессиональное общество. По мнению консерваторов, Российская Федерация является следующим после Руси, империи Романовых и СССР историческим воплощением России в качестве отдельной цивилизации. Таким образом, Российская Федерация не тождественна исторической России, а границы современного российского государства не совпадают с российским культурным пространством. Экзистенциальный интерес требует, чтобы элита проводила политику в рамках “русского мира”*, охватывая все территории, где преобладают русские. “Русский мир”

* Русский мир – это по-разному понимаемое русское духовное пространство, русское культурное пространство или пространство русского языка. Хотя эти три описания в основном используются в документах государственных органов, термин “русский мир” был распространен в православных кругах. Русский мир имеет тонкую мифологическую ауру, он предполагает существование отдельного мира русской духовности, целостность которого была нарушена политическими событиями, но который будет воссоздан, и первый шаг в этом направлении является преодоление внутреннего раскола русской церкви. Впервые этот термин был использован Президентом В.В. Путиным в 2007 году и Патриархом Кириллом в 2009 году.

– это, не только Российская Федерация, но еще и Украина, Белоруссия, Казахстан, Литва и Латвия. Более того, Россия в XXI веке должна быть готова “принять” новые территории, в частности Южную Осетию, Абхазию и всю Молдову. Ирредентизм на постсоветском пространстве рассматривается неоконсерваторами как элемент национального возрождения. Пропагандисты консерватизма не сомневаются, что путь к империи ведет к модернизации и предполагает адаптацию апробированных решений в духе родной традиции и культурной специфики. В случае России это означает именно отказ от демократии в качестве севрихидеи и необходимость формирования новой системы, учитывающей как самодержавие, понимающееся как “независимость от других держав или концентрация власти в одних руках”, так и соборность (духовное единство). Принципиальным отличием приверженцев консерватизма от фундаменталистов является отношение к православию не как к элементу национальной традиции, а как к истине, открытой Богом. Фундаменталисты довольно критично относятся к патриархату, проявляют националистическое отношение, выступают против экуменизма и пытаются изменить литургию и обряды в церкви. Русский национализм – имперский, самодержавный, мессианский и носит характер культурно-цивилизационной альтернативы. Русский национализм рассматривает религию как источник возрождения нации, как критерий принадлежности к нации и, в ее радикальном варианте как критерий этнической чистоты, и как фактор, объединяющий восточнославянскую русскую нацию. Тезисы националистов, которые представляют религию как одну из трех основ восточнославянской русской нации (кроме языка и “общего происхождения” от мифического предка), связаны с концептуализацией российской внешней политики в ближнем зарубежье. Таким образом, ставится под сомнение этническая и культурная обособленность белорусов и украинцев – их национальные государства являются искусственными творениями, а их языки – русскими диалектами. Особую связь между русскими, украинцами и белорусами выделяют не только националисты, но и современные панслависты, подчеркивающие прежде всего близость трех славянских народов, которые должны вместе противостоять культурной экспансии Запада. Оба взгляда присутствуют в русском империализме (Curanovic, 2012).

Заключение

Из всего вышесказанного следует, что восприятие России как отдельной православной (евразийской, русской) цивилизации характерно для империализма, неоевразийства, национализма и нео-панславизма. Всем этим идеологиям присуща идея, что в силу своей уникальной многонациональной и многоконфессиональной модели, связанной с синтезом православия и ислама (в случае евразийства), русская цивилизация имеет особую миссию. Она должна создать альтернативу Западу и предотвратить «столкновение цивилизаций» (Curanovic, 2012). Православная цивилизация не представляет собой отдельного идеологического течения, но при этом в последние годы она служила общим лозунгом Кремля и РПЦ: данная религиозная концепция выражает сближение видения государства и церкви в отношении таких проблем, как идентичность, глобальный порядок и миссия церквей. Рассматривая сближение церковных и кремлевских установок в постсоветской России и утверждение новой симфонии, православная цивилизация является одним из вариантов идентификации Российской Федерации. Это относится, в частности, ко второй половине 90-х годов, когда после периода определённого влияния либеральной элиты на политику, государственный аппарат, в частности министерства, занимающиеся вопросами правопорядка, сохранили свой консервативный аппаратный статус и не были готовы принять ни религиозный плюрализм, ни экономическую и политическую либерализацию, ни рыночные реформы. С точки зрения влияния православия в стране этот поворот привел, например, к принятию менее либерального закона в области религиозных объединений и религиозного плюрализма. Согласно этому анализу, связь видения церкви с видением государства очевидна и в современных высказываниях как российского духовенства, так и политиков, и учитывая роль православия в разрешении постсоветского кризиса идентичности и российскую концепцию геополитических внешних отношений, дискурс Ивана Солоневича в «Народной монархии» представляет собой важный источник вдохновения для современных монархистов – в значительной степени он продолжает славянофильскую традицию национализации теории монархии.

Это дискурс основан на том, что Россия все-таки империя. И чтобы быть сильными, эта империя и эта нация не должны сходить с пути собственной идентичности и самосознания. Как поясняет Солоневич в «Математика и Россия», было много случаев, когда Россия сбивалась с этого пути и показывала себя слабой. Например:

- единовластие Олега, замененное феодальной раздробленностью, завершилось владычеством половецкой степи над русскими княжествами.

- Разрушение монархии Андрея Боголюбского обернулось татарским игом.

- Борьба боярской олигархии против самовластия Ивана Грозного породила «смутное время», а устранение московского царства Петром I – открыло эпоху дворцовых переворотов.

- Падение же династии Романовых вызвало кровопролитную гражданскую войну (Серегин, 2014: 329-330). Но во всех случаях, за исключением последнего, самодержавие неизменно восстанавливалось. Чтобы не допустить повторения этого случая, Солоневич представил проект восстановления национальной монархии в постсоветской России (таким образом предвидя падение Советского Союза как коммунистического оплота). Основная роль в возрождении российского национального государства была отведена русской интеллигенции, которой и предстояло создать православную, технотронную монархию, которая, будет построена на основах Православной справедливости и духовной свободы. Таким образом, И.Л. Солоневич будущую русскую государственность представлял как: монархию, работающую в самом тесном содружестве с Церковью, народным представительством, местным самоуправлением и частной инициативой, как империю, равно объединяющую все входящие в ее состав национальности, опирающуюся на хозяйственный строй основанный главным образом на частной собственности и частной инициативе, как общественный строй, основанный на полном равноправии всех граждан империи без различия религии расы, национальности и происхождения, как социальный строй, руками монархии гарантирующий гражданские и политические свободы от посягательств социалистической бюрократии и капиталистической эксплуатации, как члена ООН, более, чем кто-либо иной, заинтересованного в сохранении мира и порядка на земле». В специфической модели народно-монархической государственности предлагалась И.Л. Солоневичем, органически сочетались две формы власти: народное представительство, отражающее интересы всех граждан, и наследственная единоличная монархия, традиционно спасавшая стну в кризисные моменты ее истории (Антоненко, 2008: 81). Обе модели власти опирались на разветвленную систему местного и национального самоуправления. Говоря о представительной власти, Солоневич призывал отбросить ее западноевропейские образцы и вернуться к собственному (Солоневич, 2010), поэтому будущий представительный орган в России мыслился ему собором, «составленным из людей «государевой» и «земской» «службы»», а не «парламентом» (Солоневич, 2010: 379-380). Он проводил параллели между парламентом и собором, делая акцент на системе их формирования, которая в его представлении адекватно отражала работу обеих форм. Структура представительных органов изображалась им как двухпалатная система, где «верхняя палата строится по территориальному признаку-представительство земских и городских самоуправлений, а нижняя – на принципах представительства двух партий». Такая модель, по замыслу автора, положила бы конец существованию десятков партий, автоматически ведущих к диктатуре одной. (Солоневич, 2003). По его мнению, монархия в России является гарантом не только политической, но и экономической стабильности: «В наших конкретных российских условиях любая республиканская говорильня вызовет неотвратимую хозяйственную катастрофу» (Солоневич, 2010: 83). Другим достаточно актуальным тезисом автора «Народной монархии» является его оценка своеобразия политической культуры русского народа и его психологии, характеризующейся приверженностью к фигуре монарха (Закиров, 2013). Что отражено в том, что определил современный российский ученый С.М. Елисеев «сильнейший персонализм, а политическое воображение граждан основывается на вере в справедливость и мудрость национального лидера (вождя), который может быть наследственным или избранным самим народом» (Закиров, 2013).

Литература

Антоненко, 2008 – Антоненко Н.В. Идеология и Программатика Русской Монархической эмиграции. М-во сельского хоз-ва Российской Федерации, Федеральное гос.

образовательное учреждение высш. проф. образования "Мичуринский гос. аграрный ун-т". Мичуринск: Изд-во МичГАУ, 2008.

Бачинин, 2005 – *Бачинин В.* Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. Алетея, 2005.

Варакса, 2003 – *Варакса А.* Идея монархии в политической мысли Русского зарубежья (1920–1940-е гг.). Дисс. канд. полит. наук. СПб, 2003.

Волкогорова, 1988 – *Волкогорова О.* Образ России в философии русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1988.

Глебов, 2009 – *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Новое издательство, 2009.

Данилевский, 1966 – *Данилевский Н.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому изд. Николай Н. Страхов, Нью-Йорк, 1966 (переиздание 5-го изд., СПб., 1894).

Закиров, 2013 – *Закиров М.* Прошлое и будущее Российской государственности в теории народной монархии И.Л. Солоневича // *Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика.* № 8(151). С. 197-203.

Затулин, 2004 – *Затулин К.* «Москва - Третий Рим» - не только метафора, но историческое задание для России. Русская Народная линия, Православие, Самодержавие, Народность. Информационно аналитическая служба, 2004. [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/02/12/moskva_-_tretij_rim_-_ne_tol_ko_metafora_no_istoricheskoe_zadanie_dlya_rossii/

Кобякова, Аверьянова, 2016 – *Кобякова А., Аверьянова В.* Русская доктрина. М.: институт русской цивилизации, 2016.

Козлова, 2015 – *Козлова Н.* Политическая философия И. Л. Солоневича: гендерные аспекты // *Вестник ТвГУ. Серия Философия.* № 1. С. 123-131.

Ларионов, 2007 – *Ларионов В.* Православная монархия. Национальная монархия в России. Утопия, или Политическая реальность. Быстров, 2007.

Леонтьев, 1912 – *Леонтьев К.* Собрание сочинений К. Леонтьева. Т. 1-9. М., В.М. Саблин, 1912–1919.

Леонтьев, Невзоров, 2008 – *Леонтьев К., Невзоров А.* Крепость «Россия». М.: Эксмо; Яуза, 2008.

Милюков, 1893 – *Милюков П.* Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев / Вопросы философии и психологии. IV, 1983. Кн. 3 (18): 46-96.

Милюков, 1903 - *Милюков П.* Из истории русской интеллигенции. Санкт-Петербург, издание товарищества "Знание". - Издание 2-е., 1903.

Сайт Новости знаменитостей – Сайт Новости знаменитостей. Андрей Юрьевич Боголюбовский. [Электронный ресурс]. URL: gospres.ru. (дата обращения: 20.11.2022).

Сайт Университетская Библиотека – Сайт Университетская Библиотека. [Электронный ресурс]. URL https://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=1051 (дата обращения: 20.11.2022).

Сайт Фонда... – Сайт Фонда изучения наследия П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypinELEMENT_ID=249 (дата обращения: 20.11.2022).

Сайт Хронос – Сайт Хронос всемирная история в интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/solovev_vs.php; http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/savickipn.php; http://hrono.ru/biograf/bio_we/vernad_gv.php; http://www.hrono.ru/biograf/bio_t/trubeckoy_ns.php; http://hrono.ru/biograf/bio_a/aksakov_is.php (дата обращения: 20.11.2022).

Серегин, 2014 - *Серегин А. В.* Форма Государственного Правления (Вопросы Теории), Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, Ростов-на-Дону, 2014.

Солоневич, 1997 – *Солоневич И.* Белая империя. М., 1997.

Солоневич, 2000 – *Солоневич И.* Россия в концлагере. М., 2000.

Солоневич, 2001 – *Солоневич И.* Наша страна. XX век. М., 2001.

Солоневич, 2003 – *Солоневич И.* Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М., 2003.

Солоневич, 2010 – *Солоневич И.* Народная монархия. Институт русской цивилизации, 2010.

Уваров, 1834 – Уваров С. Циркулярное предложение г. управляющего министерств Народного просвещения Начальствам учебных округов о вступлении в управление министерств. Журнал министерства народного просвещения. Пт. I.

Шалыганов, 2012 – Шалыганов Ю. Проект Россия полное собрание. М.: Эксмо, 2012.

Blitt, 2011 – Blitt R. Russia's Orthodox Foreign Policy: the Growing Influence of the Russian Orthodox Church in Shaping Russia's Policies Abroad, University of Pennsylvania // *Journal of International Law*. 2011. 33(2): 363-460.

Cloutier, 1955 – Cloutier H. Leontiev on Nationalism // *The Review of Politics*. 1955. 17(2): 262-272.

Curanovic, 2012 – Curanovic A. The religious factor in Russia's Foreign Policy, London and New York. Contemporary Russian and Eastern European Politics Series. Publisher Routledge, 2012.

Duncan, 2000 – Duncan P. Russian Messianism. Third Rome, revolution, Communism and after, London and New York. Publisher Routledge, 2000.

Laurrelle, 2015 – Laurrelle M. «Conceiving the territory: eurasianism as a geographical ideology» в *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism* под редакцией Bassin, M., Glebov, S., Laruelle, M. Publisher University of Pittsburgh Press, 2015.

Machitidze, 2020 – Machitidze I. (2020). Popular Imagery, Competing Narratives and Pan-Slavism: the Case of Ukraine's Break-away Regions // *The Journal of Cross-Regional Dialogues. La Revue de dialogues inter-régionaux*. 105-130 [Electronic resource]. URL: <https://popups.uliege.be/2593-9483/index.php?id=139>

Madhavan, 1993 – Madhavan K. Eurasianism as an Ideology for Russia's Future // *Economic and Political Weekly*. 1993. 28(51): 2799-2809.

Martynyuk, 1999 – Martynyuk I. Encountering Russianness in philosophy: the historiosophical conservatism of N. Danilevsky and K. Leontiev. Interpretations, assessments and approaches in the western historiography. Book series, 1999.

Mitrofanova, 2005 – Mitrofanova A. The politicization of Russian Orthodoxy: actors and ideas, Stuttgart. Book series. Soviet and post-soviet and society, 13. Publisher Ibidem, 2005.

Pain, 2016 – Pain E. The imperial syndrome and its influence on Russian nationalism. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edited by Kolstø P., Blakkisrud H., Edinburgh. Publisher Edinburgh University Press, 2016.

Roccucci, 2007 – Roccucci A. «Impero e ortodossia nel mondo russo» in *Chiese e culture dell'est europeo*, под редакцией A. Roccucci. Milano. Publisher Paoline, 2007.

Vovchenko, 2016 – Vovchenko D. Containing Balkan nationalism: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. Publisher Oxford University Press, 2016.

References

Antonenko, 2008 – Antonenko, N.V. (2008). Ideologiya i Programmatika Russkoi Monarkhicheskoi emigratsii [Ideology and Programmatiks of the Russian Monarchist Emigration]. M-vo sel'skogo khoz-va Rossiiskoi Federatsii, Federal'noe gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya "Michurinskii gos. agrarnyi un-t". Michurinsk: Izd-vo MichGAU. [in Russian]

Bachinin, 2003 – Bachinin, A. (2003). Ideya monarkhii v politicheskoi mysli Russkogo zarubezh'ya (1920–1940-e gg.) [The idea of monarchy in the political thought of the Russian Diaspora (1920–1940s)]. Disc. kand. polit. nauk. SPb. [in Russian]

Bachinin, 2005 – Bachinin, V. (2005). Natsional'naya ideya dlya Rossii: vybor mezhdru vizantizmom, evangelizmom i sekulyarizmom [National idea for Russia: the choice between Byzantism, evangelism and secularism]. Aleteiya. [in Russian]

Blitt, 2011 – Blitt, R. (2011). Russia's Orthodox Foreign Policy: the Growing Influence of the Russian Orthodox Church in Shaping Russia's Policies Abroad, University of Pennsylvania. *Journal of International Law*. 33(2): 363-460.

Cloutier, 1955 – Cloutier, H. (1955). Leontiev on Nationalism. *The Review of Politics*. 17(2): 262-272.

Curanovic, 2012 – Curanovic, A. (2012). The religious factor in Russia's Foreign Policy, London and New York. Contemporary Russian and Eastern European Politics Series. Publisher Routledge.

- Duncan, 2000** – *Duncan, P.* (2000). Russian Messianism. Third Rome, revolution, Communism and after, London and New York. Publisher Routledge.
- Glebov, 2009** – *Glebov, S.* (2009). Evraziistvo mezhdru imperiei i modernom [Eurasianism between empire and modernity.]. *Istoriya v dokumentakh*. M.: Novoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Kobyakova, Aver'yanova, 2016** – *Kobyakova, A., Aver'yanova, V.* (2016). Russkaya doktrina [Russian Doctrine]. M.: institut russkoi tsivilizatsii. [in Russian]
- Kozlova, 2015** – *Kozlova, N.* (2015). Politicheskaya filosofiya I. L. Solonevicha: gendernye aspekty [Political philosophy of I. L. Solonevich: gender aspects]. *Vestnik TvGU. Seriya Filosofiya*. 1: 123-131. [in Russian]
- Larionov, 2007** – *Larionov, V.* (2007). Pravoslavnaya monarkhiya. Natsional'naya monarkhiya v Rossii. Utopiya, ili Politicheskaya real'nost' [Orthodox Monarchy. National monarchy in Russia. Utopia, or political reality]. Bystrov. [in Russian]
- Laurrelle, 2015** – *Laurrelle, M.* (2015). «Conceiving the territory: eurasianism as a geographical ideology» в *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism* под редакцией Bassin, M., Glebov, S., Laruelle, M. Publisher University of Pittsburgh Press.
- Leont'ev, 1912** – *Leont'ev, K.* (1912). *Sobranie sochinenii K. Leont'eva* [Collected works of K. Leontiev]. T. 1-9. M., V.M. Sablin, 1912–1919. [in Russian]
- Leont'ev, Nevzorov, 2008** – *Leont'ev, K., Nevzorov, A.* (2008). *Krepost' «Rossiya»* [Fortress “Russia”]. M.: Eksmo; Yauza. [in Russian]
- Machitidze, 2020** – *Machitidze, I.* (2020). Popular Imagery, Competing Narratives and Pan-Slavism: the Case of Ukraine’s Break-away Regions. *The Journal of Cross-Regional Dialogues. La Revue de dialogues inter-régionaux*. 105-130 [Electronic resource]. URL: <https://popups.uliege.be/2593-9483/index.php?id=139>
- Madhavan, 1993** – *Madhavan, K.* (1993). Eurasianism as an Ideology for Russia's Future. *Economic and Political Weekly*. 28(51): 2799-2809.
- Martynyuk, 1999** – *Martynyuk, I.* (1999). Encountering Russianness in philosophy: the historiosophical conservatism of N. Danilevsky and K. Leontiev. Interpretations, assessments and approaches in the western historiography. Book series.
- Milyukov, 1893** – *Milyukov, P.* (1893). *Razlozhenie slavyanofil'stva* [Decomposition of Slavophilis]. Danilevskii, Leont'ev, Vl. Solov'ev. *Voprosy filosofii i psikhologii*. IV, 1983. Kn. 3 (18): 46-96. [in Russian]
- Mitrofanova, 2005** – *Mitrofanova, A.* (2005). The politicization of Russian Orthodoxy: actors and ideas, Stuttgart. Book series. Soviet and post soviet and society, 13. Publisher Ibidem.
- Pain, 2016** – *Pain, E.* (2016). The imperial syndrome and its influence on Russian nationalism. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edited by Kolstø P., Blakkisrud H., Edinburgh. Publisher Edinburgh University Press.
- Roccucci, 2007** – *Roccucci, A.* (2007). «Impero e ortodossia nel mondo russo» in *Chiese e culture dell'est europeo*, под редакцией A. Roccucci. Milano. Publisher Paoline.
- Sait Fonda...** – Sait Fonda izucheniya naslediya P.A. Stolypina [Website of the Foundation for the Study of P.A. Stolypin]. [Electronic resource]. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypinELEMENT_ID=249 (date of access: 20.11.2022). [in Russian]
- Sait Khronos** – Sait Khronos. *Vsemirnaya istoriya v internete* [Chronos site. World history on the Internet]. [Electronic resource]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/solovev_vs.php; http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/savickipn.php; http://hrono.ru/biograf/bio_we/vernad_gv.php; http://www.hrono.ru/biograf/bio_t/trubeckoy_ns.php; http://hrono.ru/biograf/bio_a/aksakov_is.php (date of access: 20.11.2022). [in Russian]
- Sait Novosti znamenitostei** – Sait Novosti znamenitostei. Andrei Yur'evich Bogolyubskii [Celebrity News Site. Andrey Yurievich Bogolyubsky]. [Electronic resource]. URL: gospress.ru (date of access: 20.11.2022). [in Russian]
- Sait Universitetskaya Biblioteka** – Sait Universitetskaya Biblioteka [Website University Library]. [Electronic resource]. URL https://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=1051 (date of access: 20.11.2022). [in Russian]
- Shalyganov, 2012** – *Shalyganov, Yu.* (2012). *Proekt Rossiya polnoe sobranie* [Project Russia complete collection]. M.: Eksmo. [in Russian]

- Solonevich, 1997** – *Solonevich, I.* (1997). Belaya imperiya [White Empire]. M. [in Russian]
- Solonevich, 2000** – *Solonevich, I.* (2000). Rossiya v kontslagere [Russia in a concentration camp]. M. [in Russian]
- Solonevich, 2001** – *Solonevich, I.* (2001). Nasha strana. XX vek [Our country. XX century]. M. [in Russian]
- Solonevich, 2003** – *Solonevich, I.* (2003). Kommunizm, natsional-sotsializm i evropeiskaya demokratiya [Communism, National Socialism and European Democracy]. M. [in Russian]
- Solonevich, 2010** – *Solonevich, I.* (2010). Narodnaya monarkhiya [People's Monarchy]. Institut russkoi tsivilizatsii. [in Russian]
- Uvarov, 1834** – *Uvarov, C.* (1834). Tsirkulyarnoe predlozhenie g. upravlyayushchego ministerstv Narodnogo prosveshcheniya Nachal'stvam uchebnykh okrugov o vstuplenii v upravlenie ministerstv [Circular proposal of the head of the ministries of Public Education to the authorities of educational districts on joining the management of the ministries]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Pt. I. [in Russian]
- Volkogonova, 1988** – *Volkogonova, O.* (1988). Obraz Rossii v filosofii russkogo zarubezh'ya [The Image of Russia in the Philosophy of the Russian Diaspora]. M.: ROSSPEN. [in Russian]
- Vovchenko, 2016** – *Vovchenko, D.* (2016). Containing Balkan nationalism: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. Publisher Oxford University Press.
- Zakirov, 2013** – *Zakirov, M.* (2013). Proshloe i budushchee Rossiiskoi gosudarstvennosti v teorii narodnoi monarkhii I.L. Solonevicha [Past and Future of Russian Statehood in the Theory of People's Monarchy I.L. Solonevich]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 8(151): 197-203. [in Russian]
- Zatulin, 2004** – *Zatulin, K.* (2004). «Moskva – Tretii Rim» – ne tol'ko metafora, no istoricheskoe zadanie dlya Rossii. Russkaya Narodnaya liniya, Pravoslavie, Samoderzhavie, Narodnost' ["Moscow – the Third Rome" is not only a metaphor, but a historical task for Russia. Russian People's Line, Orthodoxy, Autocracy, Nationality. Information and analytical service]. Informatsionno analiticheskaya sluzhba, 2004. [Electronic resource]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/02/12/moskva_-_tretij_rim_-_ne_tol'ko_metafora_no_istoricheskoe_zadanie_dlya_rossii/ [in Russian]

Концепция монархии и роль православия в философии Ивана Солоневича

Марианна Наполитано ^{a, *}

^a Fondazione per le Scienze Religiose, Болонья, Италия

Аннотация. Иван Лукьянович Солоневич (1891–1963) вошел в историю русской общественно-политической мысли как теоретик монархизма. Солоневич считал, что решающим фактором в государственном строительстве является дух народа. По его мнению, народная монархия (в отличие от монархии высшего сословия) является идеалом государственного устройства России. Она существовала в России до реформ Петра I и характеризовалась сочетанием самодержавия и самоуправления. После свержения большевиками она должна стать наиболее эффективной формой правления в России. Понятие "соборная монархия", предложенное Солоневичем, означало "совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты[...]" (Солоневич, Народная Монархия, 2010). Рассуждения Солоневича в *Народной монархии* представляют собой важный источник вдохновения для современных монархистов. Цель данной статьи – проследить исторические и идеологические истоки мысли Солоневича и одновременно показать, что это может помочь лучше понять недавнее сближение взглядов российского государства и церкви в отношении вопроса идентичности и ценности православной цивилизации. На самом деле чтобы понять философию Солоневича и её пользу в постижении современной российской действительности, важно задуматься над

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mariannapolitano@hotmail.com (М. Наполитано)

смыслом уникальности России и русской истории, над ролью монархии и империи, над понятием сверхидеи. С момента распада Советского Союза в России велись дискуссии о том, как заполнить идеологическую пустоту, оставленную коммунизмом, и как сформулировать новую “русскую идею”. В этой дискуссии, роль православия и Русской православной церкви была очень важна, потому что православный мир представал не только как церковный и культурный проект, но и как политический проект, основа которого лежала именно в необходимости преодоления кризиса легитимация политических институтов, созданных в результате конца коммунизма.

Ключевые слова: Иван Лукьянович Солоневич, народная монархия, Россия, православие, славянофилы, Евразийство.